

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

**КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

**ВЛАДИМИР
СЕРЬСКИЙ**

ПРИГОВОР

**ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ
ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ
И ПРЕСТУПНИКОВ**

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Владимир Сербский

**Приговор. Об экспертизе
душевнобольных и преступников**

«Алисторус»

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

Сербский В. П.

Приговор. Об экспертизе душевнобольных и преступников /
В. П. Сербский — «Алисторус», — (Человек преступный.
Классика криминальной психологии)

ISBN 978-5-907120-52-5

Знаменитый психиатр В. П. Сербский стал основоположником судебной психиатрии. Именно он одним из первых всерьез задумался о целесообразности применения к душевнобольным общепринятых мер наказания за проступки. Осознавал ли человек свои действия в момент совершения преступления? А если ответ на этот вопрос отрицательный, то разве заслуживает он наказания? Врач считал, что таких преступников нужно лечить, а не наказывать. Но как же определить, где больной человек, а где симулянт? Основываясь на огромном клиническом материале, В. П. Сербский первым разработал и описал алгоритм судебной психиатрической экспертизы. В книге приведены наиболее интересные и сложные случаи, с которыми пришлось столкнуться знаменитому психиатру.

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907120-52-5

© Сербский В. П.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	5
Терминология душевных болезней	6
Терминология русского законодательства. – Безумие, сумасшествие, слабоумие; припадки болезни, приводящие в умоисступление и беспамятство. – Термины проекта нового уложения: бессознательное состояние	6
Уголовная ответственность душевнобольных	15
I. Английское и русское законодательство; 36-я статья нового проекта Уложения о наказаниях и соответствующие ей статьи германского и австрийского кодекса. – Необходимость психологического критерия при определении способности ко вменению. – Доводы, приводимые против него. – Частичная и уменьшенная вменяемость. – Светлые промежутки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Сербский

Приговор. Об экспертизе душевнобольных и преступников

Предисловие

Курс судебной психиатрии, читанный мною последние годы в Московском университете, естественным образом распадался на два параллельных курса: законодательство о душевнобольных и клиническую психиатрию. Отсутствие в нашей литературе сколько-нибудь систематического руководства к первому из этих отделов побудило меня издать отдельно предлагаемый выпуск, представляющий вполне самостоятельное целое. Следующий выпуск будет заключать в себе изложение общей и частной психопатологии в применении ее к судебным вопросам.

В. Сербский,

15 декабря 1895 года

Терминология душевных болезней

Терминология русского законодательства. – Безумие, сумасшествие, слабоумие; припадки болезни, приводящие в умоисступление и беспамятство. – Термины проекта нового уложения: бессознательное состояние

1

Душевнобольные часто совершают преступления; не обладая сознательной юридической волей, они не ответственны за свои поступки и не могут подлежать установленному законом наказанию. Вместе с тем они лишаются возможности заведовать своими делами, заключать юридические сделки и исполнять гражданские обязанности, к отправлению которых закон считает способным всякого, достигшего известного возраста, так же как не могут пользоваться всеми правами, предоставленными законом. Наконец, душевнобольные нуждаются в защите своей личности, в правильном уходе и попечении, так как они не способны заботиться сами о себе.

Соответственно этому законодательство о душевнобольных распадается на три отдела:

- 1) уголовную ответственность,
- 2) гражданскую право- и дееспособность и
- 3) постановления, касающиеся важной государственной обязанности – призрения душевнобольных.

В русском законодательстве, благодаря судебным уставам Александра II, вопрос об уголовной ответственности поставлен лучше всех других отделов и в некоторых отношениях превосходит даже законодательства других стран. Вопрос о гражданской правоспособности затет этими уставами лишь отчасти; только некоторые разряды дел поставлены в новые условия публичного судебного разбирательства при непосредственном участии медицинской экспертизы, тогда как многие постановления, относящиеся к этому отделу законодательства, утратили в настоящее время всякий смысл и требуют коренного преобразования. Наименее же разработан или, правильнее, совсем отсутствует отдел, касающийся призрения душевнобольных.

Наше законодательство вообще не представляет одной целой, стройной системы; существенные его черты состоят в неполноте, отрывочности, а нередко и противоречии отдельных статей закона и сенатских разъяснений. В этом отношении согласны между собою как юристы, так и врачи.

«В своде законов нашли себе место разнообразные течения прошлых времен, остатки различных взглядов и стремлений, часто несовместимых, – формулы отжившие, непригодные для практики, рядом с разумными правилами, выраженными как бы случайно, без прочной связи с содержанием соседних статей»¹.

«Если взглянуть на наше законодательство, так или иначе касающееся вопроса о сумасшествии или о самих сумасшедших, то его несистематичность, случайность, фрагментар-

¹ Л. З. Слонимский. Законодательство о душевнобольных // Вестник психиатрии под редакцией Мерзеевского. т. 1. Вып. 1. С. 135.

ность, конечно, доказывает, что в этом отношении до сих пор этот вопрос еще не составлял предмета общегосударственной заботы»².

«Практика сената по делам о душевнобольных, – продолжает Л. З. Слонимский, – не только не вносила единства и последовательности в эту важную область, но еще более увеличивала затруднения своими непримиримыми противоречиями и шатаниями. Недостатки закона не только не смягчались путем разумного толкования, но еще доводились до абсурда...»

Неопределенность, отсутствие системы выражаются уже в тех терминах, которые употребляются в нашем законодательстве. Главными, как бы официально признанными терминами считаются безумие и сумасшествие. По ст. 365 и 1 ч. X т. «безумными признаются не имеющие здравого рассудка с самого их младенчества». По ст. 366 «сумасшедшими почитаются те, коих безумие происходит от случайных причин и, составляя болезнь, доводящую иногда до бешенства, может наносить обоюдный вред обществу и им самим, и потому требует особенного за ними надзора».

Прежде всего, необходимо отметить, что законодатель дает определение «безумию» и «сумасшествию», как бы «забывая, что это такие же медицинские понятия, как тиф, скарлатина, оспа и т. д., которых он, однако же, определяет, и что совершенно не входит в его роль. Дело законодателя установить известные юридические последствия той или другой болезни, но не его дело, да он и не в силах трактовать о том, в чем состоит та или другая болезнь. Право не определяет свойства вещей, но оно нормирует сложившиеся между ними отношения».

Далее законодатель, устанавливая два понятия, одно определяет посредством другого: «сумасшедшими почитаются те, коих безумие и т. д.», как бы не придавая безусловного значения устанавливаемым терминам. Вместе с тем, по замечанию Л. З. Слонимского, закон тут, в сущности, рассуждает, философствует, что видно уже из таких выражений, как «иногда», «может». Наконец, в основе определения лежит чрезвычайно неопределенный и шаткий критерий – не имеющие «здравого рассудка». Мы не можем понимать рассудок как термин философский или психологический, так как он не имеет общепризнанного, удовлетворительного определения, и каждому автору философской или психологической системы предоставляется широкое право придавать этому термину свое значение и смысл, которого он не имеет у другого автора. Еще менее мы можем смотреть на «здравый рассудок», как на простое, бесхитростное понятие, которое дается этому слову в повседневной жизни, так как этим был бы предоставлен полный простор самым произвольным, субъективным толкованиям; в житейском смысле этот термин представляет уже совсем неопределенное и крайне растяжимое понятие.

Следует еще указать, что данное определение – не имеющие здравого рассудка – основано на отрицательном признаке. Подобные же отрицательные признаки для определения душевного состояния встречаются и в других статьях нашего законодательства: потеря умственных способностей и рассудка, отсутствие надлежащего разума, не имеющие понятия о самом свойстве своего деяния и т. п. Между тем, по замечанию Фрезе, отрицание какого-либо признака известного состояния далеко не дает нам точного понятия о том состоянии, которое определяется отрицанием. Даже более, это может служить поводом к крупному недоразумению в том отношении, что, отрицая только одну душевную способность данного лица, мы как будто признаем все остальные его способности сохраненными без изменения. «Стало быть, – спрашивает Фрезе, – лишенный только сознания того, что делает, тем не менее обладает и умом, и разумом? Или наоборот, лишенный рассудка, он может сознавать то, что делает и т. д.?»

Несмотря на указанные недостатки, термины «безумие» и «сумасшествие» не представляют какого-либо практического неудобства – с той, однако, существенной оговоркой, если

² О. А. Чечотт. К вопросу об освидетельствовании душевнобольных с целью учреждения над ними опеки // Труды неврологического съезда отечественных психиатров. С. 462.

пользоваться ими как терминами условными, понимая под безумием душевное расстройство, врожденное или, по крайней мере, отмеченное с самого младенчества, а под сумасшествием – приобретенное душевное расстройство. При таком понимании этими двумя терминами действительно исчерпываются все существующие категории душевных болезней. Подвести какой-либо определенный случай под ту или иную категорию не может представить никакого затруднения, так как вопрос заключается только в определении того, болен ли исследуемый от рождения или же он заболел впоследствии; в первом случае он безумный, во втором – сумасшедший. Такая постановка вопроса принята и судебной практикой. По-видимому, и законодатель, давая определение безумию и сумасшествию, имел в виду исчерпать все существующие категории душевных расстройств, так как эти определения поставлены в самом начале, впереди всех дальнейших постановлений о душевнобольных.

Здесь возникает, однако, следующий вопрос. Есть лица – и их немало, – которые, благодаря наследственному предрасположению, с раннего возраста обнаруживают те или другие ненормальности в своей психической деятельности и такими же ненормальными остаются в течение всей жизни. Странные по своему характеру, мыслям и поступкам – эти лица слывут за чудаков, оригиналов; в последнее время их стали крестить психопатами; врачи, по примеру французских психиатров, называют их лицами дегенеративными или просто дегенератами. Иногда представляемые этими лицами психические аномалии не настолько резко выражены, чтобы можно было назвать их прямо душевнобольными, но очень часто у них развивается и вполне определенное психическое расстройство, являющееся как бы дальнейшим последствием и непосредственным развитием тех болезненных уклонений, которые они всегда обнаруживали. Это так называемые дегенеративные формы психического расстройства. По мнению некоторых психиатров, многие из этих дегенеративных форм нельзя подвести под законные термины «безумие» и «сумасшествие», так как часто бывает трудно определить, родился ли исследуемый больным, или же болезнь разрасталась. Это возражение не представляет, однако, существенного значения, так как на практике вряд ли возможно какое-либо затруднение. Если в одном случае будут существовать определенные указания, что душевная деятельность представляла крупные аномалии с раннего детства, то это будет дегенеративная форма, соответствующая безумию. Другой же случай, где дегенерация обнаружилась позднее, где болезнь резко выразилась среди казавшегося психического здоровья, – такой случай должен быть подведен под рубрику сумасшествия. И здесь не должно смущать также то обстоятельство, что по закону сумасшествие происходит от случайных причин, тогда как причины дегенеративных форм душевного расстройства, как известно, далеко не случайные, но органические, прироченные, а потому таких больных нельзя будто бы называть сумасшедшими в смысле закона (Я. Боткин). Но, во-первых, дегенерация очень часто представляет только почву, на которой психическое расстройство развивается под влиянием тех или других случайных причин, так что здесь чувство законности может быть вполне удовлетворено. А во-вторых, было бы странно предполагать, что законодатель имел в виду войти в обсуждение причин душевного расстройства и вообще мог иметь какие-либо иные цели, кроме указанной выше, т. е. установления тех рубрик, которые обнимали бы все формы душевного расстройства. Затруднение могло бы возникнуть только при недостатке анамнестических (предварительных) сведений, но оно одинаково возможно и по отношению к другим формам психического расстройства, помимо дегенеративных. Так, видя в первый раз слабоумного больного и не имея сведений об его прошлой истории, мы не всегда с определенностью можем сказать, имеем ли дело с врожденной или приобретенной болезнью. Но даже и возможная ошибка в ту или другую сторону не имеет большого значения, так как юридические последствия определения безумия или сумасшествия для огромного большинства случаев одинаковы. Это различие может оказаться существенно важным только в делах о браке и требованиях развода. По нашему закону «запрещается вступать в брак с безумными и сумасшедшими» (Св. Зак. т. X, ч. 1 и ст. 5), причем такие брачные

сопряжения не признаются законными и действительными. Понятно, если удастся доказать, что тот или другой из супругов страдает безумием, то этим самым уже доказывается недействительность брака, между тем как признание сумасшествия необходимы еще доказательства, что оно существовало до совершения брака, а не развилось впоследствии.

2

Итак, безумие и сумасшествие, понимаемые как условные термины, должны с точки зрения закона исчерпывать все существующие формы душевного расстройства. Однако, определив, что такое безумие и сумасшествие, и поставив эти определения впереди всех дальнейших правил о душевнобольных, закон вслед за тем как бы забывает об этом и пользуется совершенно другими терминами для обозначения душевного расстройства. В некоторых случаях эти термины обнимают собою лишь частные подразделения. Так, в уголовном своде закон вводит новые термины «умоисступление» и «совершенное беспамятство» (3 п. 92 ст.). В ст. 97 говорится о потерявших умственные способности и рассудок от старости и дряхлости и о лунатиках, которые в припадках своего нервного расстройства действуют без надлежащего разума. Но помимо этих частных определений, оправдываемых желанием как можно полнее исчерпать вопрос о различных душевных состояниях, в нашем законе немало и общих терминов, которые не имеют никаких разъяснений и, по-видимому, равнозначны с безумием и сумасшествием. В различных статьях свода законов употребляются выражения: подвергшиеся умственному расстройству, страдающие помешательством ума, умалишенные и слабоумные, страдающие расстройством умственных способностей и т. п.

Отсутствие каких-либо разъяснений всех этих терминов вызвало и вызывает в судебной практике различные недоразумения, главным образом связанные с термином «слабоумие». Толкования сената в этом отношении отличаются крайним противоречием. В одних решениях сенат признает, что при назначении, по крайней мере, опеки нет необходимости придерживаться исключительно терминов безумия и сумасшествия, что наш закон «не делает строгого различия между состоянием безумия и слабоумия и для определения одного и того же понятия употребляет безразлично и то и другое выражение» (дело Богданова). В подтверждение этого взгляда сенат указывает на то, что в ст. 131, определяющей состав присутствия для освидетельствования умственных способностей в портовых городах Новороссийского края, свидетельствуемые лица названы не безумными и сумасшедшими, а умалишенными и слабоумными; а в ст. 534 т. II ч. 1 предписывается представлять сенату об определении опеки к лицам, признанным от природы слабоумными. И не только слабоумие, но и более неопределенные обозначения, как тугоумие (дело Долгова) или неполное владение умственными способностями (дело Чарнецкой), сенат признавал достаточным основанием для назначения опеки. Однако последующие решения того же сената дают совершенно иные толкования. Сенат указывает, что «закон различает только два вида расстройств умственных способностей, при наличии которых налагается опека на личность и имущество свидетельствуемого, а именно: безумие и сумасшествие, что слабоумие не подходит под указанные законом виды помешательства и не может поэтому вести за собою назначения опеки (дело Попова), что «недостаток развития умственных способностей не может иметь последствий, установленных для безумия и сумасшествия» (дело Хешег). Известны случаи, где сенат отказывал в назначении опеки над лицами, которые представлялись ему под именем слабоумных, и находил возможным учреждать опеку, когда те же самые лица переименовывались губернским правлением в безумных или сумасшедших.

Это противоречие в толкованиях одного и того же учреждения может, однако, представлять интерес только для юристов и не имеет существенного значения для врачей. Лица, выше всего ставящие требования «здорового рассудка», найдут себе удовлетворение в более ран-

них сенатских разъяснениях; лица же, точно придерживающиеся буквы закона, несомненно, должны быть на стороне последующих толкований сената. Именно при сопоставлении различных статей нашего свода нельзя не вывести заключения, что закон далеко не отождествляет слабоумия с безумием и сумасшествием, а, наоборот, устанавливает между ними глубокое различие, главным образом в юридических последствиях. По 1-му п. 704-й ст. Уст. уг. суд. «безумные и сумасшедшие» совсем не допускаются к свидетельству, наоборот, по 3-му п. 706-й ст. того же Уст. «слабоумные, не понимающее святости присяги», так же как и малолетние, не достигшие четырех лет, допускаются к свидетельству, но только без присяги. Далее безумие и сумасшествие по 3-му п. 92-й ст. составляют причину полной невменяемости, между тем как слабоумие по 4-му п. 134-й ст. Ул. о нак., наравне с легкомыслием, глупостью или крайним невежеством, признается лишь обстоятельством, в большей или меньшей мере уменьшающим вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания. Здесь устанавливается уже коренное различие между слабоумием с одной стороны и безумием и сумасшествием с другой.

Для врачей возможность крупных недоразумений от применения того или другого термина, противоречия в их толкованиях должны служить только указанием к возможной осторожности в употреблении этих терминов. С научной точки зрения слабоумие не представляет понятия, противоположного душевному расстройству, а есть только одна из форм душевных болезней. Если безумие и сумасшествие должны исчерпывать все категории душевного расстройства, то выделение из этих категорий особой рубрики слабоумия не может быть чем-либо оправдано, так как оно представляет лишь частный вид той или другой категории. Если слабоумие существует с малолетства, оно должно быть подведено под категорию безумия, если же оно явилось результатом приобретенной болезни, то с точки зрения закона оно равносильно сумасшествию. Таким образом, практический вывод, вытекающий из сказанного, заключается в том, что врачи при наименовании душевного расстройства с точки зрения закона совсем не должны употреблять термина «слабоумие», а заменять его, смотря по характеру каждого конкретного случая, безумием или сумасшествием. Наш закон ведь совсем не требует, чтобы была определена форма душевной болезни; он требует только определения, существовала ли болезнь от рождения или была приобретена впоследствии. Очевидно поэтому, что и введение особой рубрики «потерявших умственные способности и рассудок от старости и дряхлости» является совершенно излишним, так как эта рубрика всецело входит в состав сумасшествия, как один из его частных видов.

Ввиду, однако, общего правила, что ничего лишнего или бесцельного не предполагается в законе, мы поневоле должны считаться и с термином «слабоумие»; весь вопрос только в том, что понимать под этим термином. Если слабоумие нельзя противопоставлять душевной болезни на том основании, что оно составляет лишь одну из частных форм душевного расстройства, то очевидно, что слабоумие должно обнимать собою лишь такие душевные состояния, где не может быть речи о резко выраженной болезни, где оно является еще в пределах физиологических, а не патологических, одним словом, оно должно обнимать такие состояния, которые в самом законе сопоставляются с легкомыслием, глупостью и крайним невежеством. Очевидно, и слабоумие нашего закона представляет не болезнь, не патологическое явление, а ту же физиологическую глупость, может быть, доведенную до той границы, где нельзя разобратся, имеем ли мы дело с отклонением от нормы или нет. Приверженцы буквы закона могут успокоить себя, что при таком толковании слабоумие не изгоняется, наоборот, при этом им, может быть, придется чаще в своей практике применять статьи, в которых говорится о слабоумии, чем статьи, касающиеся безумных и сумасшедших.

3

Кроме длительных душевных страданий, каковы безумие и сумасшествие, уголовный свод различает еще скоропреходящие душевные расстройства – именно «припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство» (3 п. ст. 92).

Для установления этой категории душевного расстройства необходимо, таким образом, в каждом случае доказать существование двух условий: 1) кратковременного затемнения или помрачения сознания, которое лежит в основе умоисступления или беспамятства, и 2) болезненности той почвы, на которой это состояние возникает, так как умоисступление и беспамятство должны составлять лишь припадки болезни³. Закон не указывает при этом, что болезнь непременно должна быть психической; тяжелые физические заболевания также не исключают возможности появления припадков умоисступления или беспамятства. В правилах, высочайше утвержденных 8 февраля 1835 г., относительно освидетельствования тех, кои в припадках сумасшествия учинили смертоубийство или посягнули на жизнь другого или собственную, в пункте 1-м прямо указано: «болезни, в коих случается бред и умоисступление и кои потому сходствуют с самим сумасшествием, суть: воспалительная нервная, желчная, гнилая, родильная и белая горячки; воспаление мозга и его оболочек; рожа на лице; истерика и ипохондрия; падучая болезнь и проч.»⁴. Необходимость доказательства наличия болезни значительно ограничивает произвол в применении термина «умоисступление» и не позволяет подводить под него состояние простого физиологического аффекта. В судебной практике это различие имеет существенное значение, так как состояние аффекта, как состояние запальчивости или сильного раздражения, служит лишь обстоятельством, уменьшающим вину и наказание, тогда как припадки болезни, сопровождаемой умоисступлением или совершенным беспамятством, служат причиной полной невменяемости. Между тем известны примеры, где не только присяжные, но и эксперты и судьи отождествляли аффект с умоисступлением как самостоятельной формой временного расстройства. Л. З. Слонимский приводит случай, где крестьянин Лукьянов⁵ обвинялся в нанесении смертельных повреждений своему дяде, захваченному им на месте прелюбодеяния с его женой. Врач высказался на суде, что «обвиняемый во время совершения преступления находился в состоянии аффекта или умоисступления, в сильно возбужденном состоянии». Другой эксперт заявил, что «так как психиатрами уже доказано, что ревность может довести человека до сумасшествия, то под влиянием этой страсти подсудимый находился в этом состоянии, в состоянии аффекта», и затем «что подсудимый действовал бессознательно, при крайнем раздражении и горячности темперамента». Обвиняемый был признан действовавшим в «умоисступлении» и потому оправдан. Очевидно, этот результат, говорит Л. З. Слонимский, достигнут неправильным подведением раздражения и аффекта под общее понятие «умоисступление», произвольно оторванное от связанных с ним в законе припадков болезни.

Необходимость доказать наличие болезни, ведущей за собою припадки умоисступления, не позволяя подводить под это понятие состояние аффекта или раздражения, вместе с тем, однако, исключает и некоторые состояния действительной невменяемости, связанной с кратковременным расстройством душевной деятельности. Так, этим исключается состояние просонок, т. е. то состояние неясного сознания, которое существует непосредственно по пробуждении от глубокого сна и в котором известные представления, входящие в состав сновид-

³ Я. Боткин считает необходимым еще третье условие: излечимость болезни. Однако ссылка на статью 96, которая будто бы содержит это чрезвычайно важное разъяснение, не дает еще права сделать такое заключение.

⁴ Ср. *Кандицкий*. К вопросу о невменяемости.

⁵ *Слонимский*. Умственное расстройство и его значение в праве гражданском и уголовном.

дения, удерживаются так ярко и упорно, что или вполне застилают собой внешние впечатления, или же эти последствия доходят до сознания в совершенно искаженном виде. Подобные состояния могут продолжаться несколько мгновений и вследствие неправильности восприятия окружающей обстановки вести к различным насильственным поступкам. Так, например, лицо, которому снятся убийцы, если его внезапно разбудить, может счесть того, кто его будил, за убийцу и поступить с ним сообразно с этим ложным взглядом. Между тем состояние проснонок не представляет собою припадка болезни в точном смысле этого слова. Точно так же патологический аффект, который в силу самих присущих ему свойств является безусловною причиною невменяемости, не всегда может рассматриваться как припадок болезни. Правда, в большинстве случаев он представляет проявление болезни или, по крайней мере, резко выраженного предрасположения к ней; но предрасположение к болезни не есть еще сама болезнь. Исключаются или могут дать повод к недоразумениям и такие скоропреходящие состояния душевного расстройства, как транзиторная мания или кратковременное расстройство сознания во время периода родов, если необходимо будет доказывать, что эти патологические состояния составляют не болезненный припадок, а припадок какой-либо определенной болезни.

4

В новом проекте Уложения о наказаниях (ст. 36) вместо безумия, сумасшествия и припадков болезни, приводящих в умоисступление или совершенное беспамятство, введены новые термины, обнимающие точно так же три категории ненормальных душевных состояний – а именно: недостаточность умственных способностей, болезненное расстройство душевной деятельности и бессознательное состояние.

Под «недостаточностью умственных способностей» составители проекта Уложения разумют состояния врожденной или обнаружившейся в раннем детстве остановки умственного развития, как это наблюдается при идиотизме, полном или неполном, и в тех случаях глухоноты, прирожденной или приобретенной в младенчестве, в которых глухонемой и впоследствии не получает понятия о своих обязанностях через воспитание или общение с другими людьми. Недостаточность умственных способностей соответствует, таким образом, – хотя и не вполне – термину «безумие». «Болезненное расстройство душевной деятельности» охватывает всевозможные формы приобретенных душевных болезней, т. е. соответствует «сумасшествию», а термин «бессознательное состояние», обнимая различные виды скоропреходящего бреда и беспамятства, соответствует «припадкам болезни, приводящим в умоисступление или совершенное беспамятство», старого Уложения, но вместе с тем лишен указанных выше недостатков.

Термин «бессознательное состояние» взят из нового германского кодекса (§ 51 герм. улож. о нак.), в котором он, как это разъясняет Крафт-Эбинг, противопоставляется понятию «душевной болезни» (*Geisteskrankheit*). Эта последняя характеризуется более или менее длительным течением, своей самостоятельностью, сложностью своих припадков и их взаимною связью. Между тем «бессознательное состояние» (собственно «состояние бессознательности» *Zustande der Bewusstlosigkeit* германского кодекса) обнимает такие расстройства душевной жизни, которые появляются транзиторно (т. е. на короткое время), имеют лишь симптоматический характер, отличаются простотой, несложностью своей картины и носят по преимуществу отпечаток бреда (*Delirium*). Бессознательное состояние понимается здесь в юридическом смысле и не соответствует тому действительному бессознательному состоянию, которое выражается полной потерей сознания и вместе с тем прекращением всей психической деятельности, как это существует во сне, при обмороках, апоплексиях, сопорозном состоянии и т. п. Бессознательное состояние в точном смысле, т. е. полная утрата сознания, исключая возможность всякой деятельности, почти не имеет значения для судебной практики, за исключением

тех редких случаев, где лицо, впадшее в это состояние, подвергается вследствие своей беспомощности каким-либо преступным покушениям со стороны других лиц (напр., ограбления или изнасилования) – или при еще более редких случаях, где такое состояние само служит причиной какого-либо несчастья, напр., когда мать «засыпает» своего ребенка.

Понятие «бессознательное состояние» в юридическом смысле обнимает такие расстройства, где психические процессы не прекращены, но они не поднимаются до высоты самосознания, сопровождаются более или менее глубоким затемнением сознания. В то время как деятельность высших мозговых центров сведена до минимума, в силу чего уничтожена правильность и ясность восприятия процессов внешнего мира, низшие центры – вследствие самородного органического раздражения мозга – находятся в состоянии повышенной деятельности, которая проявляется в форме бреда, галлюцинаций, импульсивных влечений и выражается во вполне автоматических поступках; эти последние не доносятся до сознания, не запоминаются при его прояснении и вместе с тем исключают способность ко вниманию. Тем не менее автоматическая деятельность в таком бессознательном состоянии, благодаря высокой организации тех областей мозга, из которых она происходит, может быть настолько же сложной и координированной, казаться настолько же преднамеренной и целесообразной, как и произвольная деятельность лица, обладающего вполне ясным сознанием. Это, конечно, в значительной степени может затруднить судебную оценку таких автоматических поступков. Она облегчается, однако, в силу того обстоятельства, что психические процессы, сопровождающиеся затемнением сознания, не оставляют обыкновенно никаких следов в памяти. Это отсутствие воспоминаний за протекцией первого времени, «беспамятство», представляет собою наиболее важный клинический признак тех психических процессов, которые не доходят до сознания, совершаясь ниже его порога. Но понятие «бессознательное состояние» является понятием относительным: между вполне ясным сознанием и полною утратою его существуют, как вообще в органической жизни, многочисленные переходы. Соответственно этому и клинический признак – потеря памяти – может представлять различные степени и таким образом служить основой для более специальной диагностики. В одних случаях воспоминание совершенно отсутствует; в других оно суммарно, отрывочно и неясно, или же ограничивается исключительно содержанием бредовых представлений (как, напр., при экстазе). Заслуживает внимания, что в некоторых случаях у эпилептиков и в состояниях опьянения воспоминание сохраняется непосредственно после припадка, а потом совершенно теряется на долгое время. Иногда воспоминание отсутствует в здоровом состоянии, но снова возвращается при повторении припадка; это явление до сих пор наблюдалось только при опьянении (известен рассказ о носильщике, который в пьяном виде потерял свою ношу и, чтобы найти ее, должен был снова напиться), главным же образом в приступах сомнамбулизма и истерического бреда.

Те патологические расстройства, которые обнимает собою термин «бессознательное состояние», Крафт-Эбинг разделяет следующим образом:

- 1) ненормальные процессы сонной жизни, куда входит состояние просонок и сомнамбулизм (снохождение);
- 2) состояния, обусловленные внезапно наступающим расстройством кровообращения в мозгу с психическими симптомами; транзиторная мания, зависящая от чрезмерного прилива крови к мозгу; меланхолический порыв (*raptus melancholicus*), вероятно зависящий от внезапной анемии мозга вследствие спазма сосудов;
- 3) состояния отравления, а) обусловленные влиянием алкоголя и б) происходящие от других ядовитых веществ;
- 4) состояния лихорадочного бреда (*delirium febrile*) и бред от истощения (*delirium inanitionis*);
- 5) патологические аффекты, обусловленные прирожденными или приобретенными болезненными состояниями мозга;

б) острые состояния, по большей части с характером бреда, развивающиеся у эпилептиков, истеричных и неврастеников, а также своеобразные кратковременные состояния помешательства на почве хронического алкоголизма.

Таким образом, «бессознательное состояние» германского кодекса, так же как нашего нового проекта Уложения, характеризуется главным образом 1) кратковременностью болезненных явлений и 2) отсутствием или глубоким помрачением самосознания с последующей утратой или крайней ограниченностью воспоминаний о происходившем во время этого состояния. Представляя лишь частную форму психического расстройства, оно, в сущности, не может противопоставляться «болезненному расстройству душевной деятельности», так как последнее понятие, как более широкое, охватывает собою и первое. Благодаря этому выделение бессознательного состояния от остальных психических заболеваний, протекающих более длительным образом, имеет чисто условное значение и оправдывается лишь важными в практическом отношении соображениями. Желая яснее выразить это условное противопоставление двух видов болезненного расстройства душевной деятельности – длительных и кратковременных, – Общество психиатров в Петербурге предложило⁶ «болезненное расстройство душевной деятельности» заменить термином «душевная болезнь», а к «бессознательному состоянию» прибавить определение «кратковременное» («лицом, которое страдало душевной болезнью или кратковременным бессознательным состоянием»).

⁶ А. Черемисианский. Неспособность ко вменению // Вестник психиатрии. Т. 1. Вып. 1. С. 166.

Уголовная ответственность душевнобольных

I. Английское и русское законодательство; 36-я статья нового проекта Уложения о наказаниях и соответствующие ей статьи германского и австрийского кодекса. – Необходимость психологического критерия при определении способности ко вменению. – Доводы, приводимые против него. – Частичная и уменьшенная вменяемость. – Светлые промежутки

1

Прежде чем перейти к изложению нашего законодательства об уголовной ответственности душевнобольных, я считаю полезным предпослать кратко очерк английского законодательства по соответствующему отделу: чужие недостатки лучше оттенят и наши собственные.

Известный английский психиатр Моудсли приводит много веских доказательств в пользу полной несостоятельности тех законов, которыми руководствуются при обсуждении вопроса об ответственности душевнобольных в Англии. Но вряд ли для этого и нужны какие-либо доказательства, кроме только того факта, что по английским законам несомненно душевнобольные приговаривались и продолжают приговариваться к смертной казни.

В прошлом столетии в Англии господствовала теория, по которой душевнобольной не может подлежать наказанию только в том случае, если он окончательно лишен рассудка и памяти и, подобно животному или дикому зверю, не сознает того, что он делает. Эта теория сознательности дикого зверя, как ее называет Моудсли⁷, в начале нынешнего столетия заменилась другою, которая в вопросе о вменяемости больных руководилась способностью различать добро от зла. В процессе Беллингема, который судился за убийство в 1812 году, судьи убедились в его виновности и преступник был казнен, хотя было очевидно, что он действовал под влиянием бредовых идей. Главный прокурор заявил, а главный судья, решавший дело, подтвердил, «ссылаясь на первых мудрецов страны и на несомненный авторитет установленных законов, что, хотя человек может быть не в состоянии вести свои дела, он все-таки может быть ответственным за преступные действия, если обладает достаточными умственными способностями для различения добра и зла».

В 1843 году после оправдания убийцы, Мак-Нотена, который находился под влиянием нелепой идеи, что убитый им принадлежит к числу людей, которые преследовали его всюду, чернили его и делали его жизнь невыносимой, Палата лордов, разделяя общественное негодование и ужас по поводу этого оправдания, предложила судьям некоторые вопросы, ответы на которые и представляют те законы, которыми руководствуются в настоящее время в Англии для определения помешательства в уголовных делах. Сущность этих несколько сбивчивых ответов Моудсли выражает так: оправдать преступника на основании помешательства можно лишь тогда, когда имеется ясное доказательство, что во время совершения преступления обвиняемый страдал таким расстройством рассудка вследствие душевной болезни, которое не позволяло ему сознавать природу и свойство совершаемого поступка; а если он и мог сознавать их, то не был в состоянии понимать, что совершает нечто противозаконное.

⁷ Моудсли. Ответственность при душевных болезнях. С.-Пб., 1875.

Здесь отходит в сторону вопрос о добре и зле в отвлеченном смысле, но он остается в применении к отдельному поступку, совершенному обвиняемым, что, конечно, уже составляет большой шаг вперед и может служить оправданием множества насильственных действий со стороны душевнобольных. Однако и применение этого общего правила было ограничено очень важным исключением. В ответ на вопрос: если человек совершит преступление еще под влиянием ложных убеждений о действительных фактах, может ли это служить ему извинением? – юристы отвечали: «в том случае, когда он находился под влиянием бреда (частного помешательства) и во всех других отношениях находится в здравом уме, его следует считать в том же состоянии вменяемости, как будто факты, к которым относится его ложное представление, были действительными. Например, если под влиянием бреда он думает, что человек хочет напасть на него с целью лишить его жизни и вследствие этого убьет этого человека ради собственной безопасности, его следует считать изъятым от наказания. Если же он воображает, что умерший нанес тяжелейший ущерб его репутации или состоянию, и убивает его из мести за такое мнимое преступление, он заслуживает наказания».

Здесь, прибавляет Моудсли, мы видим смелое предположение, что человек, находящийся под влиянием бредовых идей, может сохранять еще способность согласовать с ними свои поступки совершенно разумно; что, чувствуя себя оскорбленным, он должен обладать тем пониманием и умением владеть собою, как совершенно здоровый человек, в том случае, если бы факты были истинными, а не мнимыми; что, одним словом, помешанный обязан быть разумным в своем заблуждении, быть умственно здоровым при расстройстве ума. В дальнейших ответах по поводу того же предполагаемого случая говорится: «хотя бы подсудимый совершил преступление с целью отомстить за какое-нибудь воображаемое преступление или вред, причиненный ему, или же имел при этом в виду общественное благо, он тем не менее подлежит наказанию, если во время совершения преступления сознавал, что поступает противозаконно, причем следует понимать законы страны».

В честности английских судей, говорит Моудсли, по счастью, редко сомневались; но нельзя сказать с уверенностью, чтобы результаты их торжественных заседаний, воплощенные в этих ответах на вопросы Палаты лордов, представили их мудрость в самом лучшем свете для иностранных народов и будущих времен. То обстоятельство, что их единогласно осуждают все врачи, специально знакомые с душевными болезнями, может еще не влиять на их душевное спокойствие, так как им известно, что юристы и врачи имеют всегда различные точки зрения. Но когда юристы других стран порицают их столь же строго, то самым самонадеянным невозможно не ощущать некоторого сомнения в самом себе. Так, один из американских судей дает об этих ответах такой отзыв:

«Учение, сформулированное таким образом, нашло себе доступ в книги закона и с тех пор, по всей вероятности, принимается большинством за выражение здравого юридического принципа. Но нет сомнения, что всякий рассудительный юрист, прочитав его в первый раз, был поражен его крайней бесчеловечностью. Закон этот требует от человека, признанного помешанным, той же степени рассудка, здравого суждения и самообладания, как и от совершенно здорового. Это то же, что сказать присяжным: подсудимый был умалишенным при совершении преступления, но при этом он не обнаружил достаточной рассудительности. Он убил человека потому, что вследствие болезненного бреда ошибочно полагал, что этот человек причинил ему страшное зло. И такое действие есть убийство. Если бы он убил человека только потому, что вследствие болезненного бреда боялся нападения этого человека и чувствовал необходимость защищать свою жизнь, то в таком случае он уступил бы только инстинкту самосохранения и поступок его не был бы преступлением... Говорить, что поступок, вытекающий из безумной идеи о страшном оскорблении, в то же время внушен духом мести, вышедшим из какой-нибудь области или закоулка духа, еще не пораженных болезнью,

значит устанавливать патологический и психологически факт, которого никакой человеческий ум никогда не может проверить и который, если бы он и оказался справедливым, во всяком случае не касался бы закона, а оставался бы простым фактом... Нелепость, равно как и бесчеловечность этого закона кажутся мне достаточно ясными без всяких дальнейших комментариев...»

После того как были представлены эти ответы судей Палате лордов, закон по отношению к душевному расстройству при уголовных преступлениях был изменен соответствующим образом и гласил: если подсудимый при совершении преступления мог отличить добро от зла и сознавал, что поступает дурно, то он должен быть признан виновным, все равно – будет ли он помешанным или нет.

Однако, по словам Моудсли, весьма часто присяжные, а иногда и сами судьи уклоняются от этого догмата в частных случаях из чисто гуманных соображений; и потому новый закон не только не дал большей уверенности при разборе таких дел, но, наоборот, оправдание или обвинение преступника в случаях помешательства стало более прежнего делом случайности. Если бы решения зависели от гадания посредством подбрасывания монет вместо серьезной процедуры судебного разбирательства, они не могли бы быть более неопределенными. Менее помешанный человек бывает иногда оправдан, более помешанный казнен; один суд признает больного невиновным, тогда как другой над совершенно тождественным больным произносит приговор. Благодаря существованию ложного критерия вменяемости, судьи, замечает далее Моудсли, относятся теперь к душевным болезням совершенно так же, как относились некогда к колдовству, – выдавая со всей силой юридического авторитета ошибочное понимание фактов за закон для руководства присяжных. В одном из последних судебных разбирательств по обвинению в колдовстве в Англии лорд Гэль сказал присяжным, что «он нисколько не сомневается в существовании колдунов, потому что, во-первых, об этом говорит Писание; во-вторых, мудрость всех наций постановила законы против таких лиц – явное доказательство существования этого рода преступлений». Сообразно с этим присяжные нашли подсудимых виновными; суд, вполне довольный таким решением, приговорил обвиненных к смерти, и они были казнены. Это был один из последних случаев казни в этой стране, потому что наступило такое время, когда вера в колдовство перестала находить себе поддержку в общественном мнении. То, что было тогда с колдовством, повторяется теперь с помешательством: судья представляет присяжным факты в превратном свете, и результатом является признание виновности; судья доволен решением, и душевнобольного ведут на казнь.

В основе русского уголовного законодательства лежит, в сущности, тот же ложный критерий вменяемости, как и в английских законах. Разница только в том, что в нашем законе нет тех детальнейших, подробных разъяснений этого критерия, которые указаны в английских законах и которые свидетельствуют о его полной непригодности и абсурдности. Вместе с тем мы не бываем свидетелями тех юридических убийств, которые практикуются в Англии, благодаря отсутствию, по крайней мере принципиальному, смертной казни, потому у нас вопрос о невменяемости в уголовных делах не имеет такого жгучего значения, как там.

2

В полном Собрании законов Российской Империи (Собрание I) помещен любопытный документ от 1776 года, содержащий некоторые интересные бытовые подробности: высочайшая реляция на доклад Сената о предании решению совестного суда дела отставного капитана Ефимовича, зарезавшего в безумстве свою жену. Это, по-видимому, первое дело, переданное на рассмотрение суда. В докладе сказано:

«...что онный капитан Ефимович в январе месяце прошлого 1774 г. в доме своем, когда собрано было на столе обедать, сидящую за тем столом с детьми означенную свою жену, подошед к ней, зарезал по горлу бритвою, от чего она тогда же и умерла. При следствии онный Ефимович в умысле к тому убийству не признался, а показал, что он по приезде тогда из Ржева в дом свой то учинил без умысла, после приключившейся ему во время того из Ржева проезда дорогою тяжкой головной болезни, от которой был в забвении, тошноте и беспамятстве и в голове имел большое помешательство. Бывшие при том зарезании дворовые две женки никакой между онными мужем с женою ссоры не показали. И по учиненному от Вельской канцелярии через нарочно посланного офицера со сторонними людьми осмотру на мертвом теле, кроме того зарезанья, никаких битых знаков не явилось. В произведенном об нем, Ефимовиче, повальном обыске от близ живущих дворян, обер-офицеров и священнослужителей показано, что он, Ефимович, поведения хорошего, в пьянстве, ссорах и драках и прочих непорядочных поступках не присмотрен и с женою своею жил согласно и имеет с нею малолетних детей, четырех сыновей и одну дочь; по приезде ж из Ржева в забвении и помешательстве ума действительно был. По присылке его, Ефимовича, в Смоленск содержался в монастыре и для увещания его определен был учитель риторики, коим умышленного убийства в нем не примечено; от стоявших же при нем, Ефимовиче, караульных унтер-офицеров, также штатной роты от капитана и штаб-лекаря рапортами объявлено, что в нем, Ефимовиче, меланхолия умножается. От роду онному Ефимовичу 39-й год.

А законами довлено: уложение 21-й главы 72-м пунктом: кто кого убьет с умысления, и същется про то до пряма, что с умысления убил, и такого убийцу самого казнить смертию. Военным 158-м артикулом: ежели учинится смертный бой хотя не нарочно и неволею, чтоб кого убить, однако сочинитель того виновен есть: понеже убийство от того произошло, и такое наказание исполнится над виновным по делу и состоянию оною, и какую вину в том имеет, или тюрьмою, денежным наказанием, шпицрутеном или сему подобным. Именем Вашего Императорского Величества указом 1762 года, августа 8-го дня: для содержания безумных, ежели родственники оных имеют у себя не пожелают, построить нарочный дом, а деревня им принадлежащая и все движимое имение отдавать до смерти их, токмо в смотрение и порядочное содержание тем людям, что по их к тому имению наследники быть имеют, а из получаемых доходов на содержание безумных пищу и одежду отдавать в тот дом без излишества, смотря при том, чтоб и недостатка не было, а до построения того дома назначить монастырь к тому способный.

По содержанию сего дела Смоленская губернская канцелярия представляет мнением, что как он, Ефимович, жену свою зарезал без умысла, а будучи в помешательстве ума, то посему и присуждает оного содержать, до постройки для таких дома, в монастыре по смерти его, дети ж его до возраста в опеку и все движимое и недвижимое его имущество во смотрение поручено брату его родному капитану ж Александру Ефимовичу, которому, по его желанию до получения на означенное мнение из Сената указа, и безумный брат его Дмитрий на содержание и смотрение был отдан; но потом онный Александр Ефимович объявил, что он в исправлении его сколько ни старался, но не получил в том не только успеха, но и надежды к тому не имеет, содержать далее у себя не желает, и представил его губернатору, а губернской канцелярией он, Дмитрий Ефимович, отослан для содержания за караулом в Смоленский Аврамьев монастырь.

Сенат, рассматривая все вышеописанные обстоятельства и законы, то убийство хотя и признает, согласно с мнением Смоленской губернской канцелярии, неумышленным, а произведенным, по всем вышедonesенным обстоятельствам и засвидетельствованиям, от безумного; но как на действия таковых случаев нет точного закона, то по сему и осмеливается Вашему Императорскому Величеству представить всеподданнейшее мнение; за неимением еще тех для безумных домов заключить его, Ефимовича, в монастырь до того времени, пока он придет

в прежнее состояние, а тогда, какому он за то преступление подлежать будет церковному покаянию и на сколько времени, предоставить рассуждение Светлейшего Синода.

Резолюция. Предать решению совестного суда в силу 397-й и 399-й статьи учреждения»⁸.

Таково это первое дело, где в качестве эксперта фигурирует «риторики учитель», не приметивший умышленного убийства, и где Сенат, указав, что на действия безумных на случаи совершения ими преступлений нет точного закона, постановил решение более справедливое и рациональное, чем это сделали бы современные суды на основании точных законов. К сожалению, не известно решение совестного суда.

Впервые законом установлена невменяемость душевнобольных в 1801 году, когда дан был именной указ калужскому гражданскому губернатору Лопухину – о непредавании суду поврежденных в уме людей и учинивших в сем состоянии смертоубийства.

«Из рапорта вашего от 15 апреля о происшествиях вверенной вам губернии, усмотрев между прочим, что Козельского уезда сельца Ерлыкова поврежденный в уме крестьянин Василий Пахомов за убийство дяди своего, крестьянина Петрова, предан, яко виновный, суду, считаю нужным заметить вам, что в сем случае надлежало бы только посредством земской полиции и Врачебной управы удостовериться, действительно ли сделал он сие в сумасшествии, и по удостоверению сему отдать его в дом безумных, суду же предавать не было никакого основания, ибо на таковых нет ни суда, ни закона. Предполагаю, что вы не оставите, сходственно замечанию таковому, как в сем случае, так и в подобных ему поступать».

Это постановление законодателя соответствует положению французского уголовного свода (Code penal art. 64): нет ни преступления, ни проступка, если обвиняемый был в состоянии помешательства (en état de démence) во время совершения.

По ныне действующим законам (Собр. зак. Росс. Имп. изд. 1876 г.), причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину, суть (ст. 92 улож. о нак.):

«1. Совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвиденным последствием было сделанное зло.

2. Малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния.

3. Безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство».

Чрезвычайно важное ограничение вменяемости устанавливает ст. 95 того же уложения. В ней говорится:

«Ст. 95. Преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший по состоянию своему в то время не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния».

Эта статья прежде всего представляет логическое противоречие тому определению терминов безумия и сумасшествия, которое дается нашим гражданским сводом и в основе которого лежит «не имеющие здравого рассудка». Будем ли мы понимать здравый рассудок в метафизическом или обыденном смысле, все равно оказывается, что не имеющие здравого рассудка

⁸ См. И. В. Константиновский. Русское законодательство об умалишенных. С.-Пб., 1887. С. 105.

могут понимать противозаконность и свойство своих поступков и, следовательно, подлежат наказанию. Вместе с тем эта статья устанавливает совершенно тот же неверный критерий вменяемости, какой существует в английских законах, где вопрос об ответственности ставится в зависимость от вопроса о том, сознавал ли обвиняемый значение и противозаконность своего деяния или нет. К счастью, наши суды не руководятся предписанным критерием вменяемости, а, ограничиваясь доказательствами безумия, сумасшествия или припадков болезни, приводящих в умоисступление или беспамятство, признают, что «на таковых нет ни суда, ни закона».

Поправка, вводимая 95-й ст. нашего Уложения о наказаниях и требующая для признания невменяемости, чтобы безумный или сумасшедший не понимали противозаконности и самого свойства своего деяния, допускает способность ко вменению у громадного большинства душевнобольных. Согласно с этим законоположением должны подвергаться ответственности все больные, обладающие ясным сознанием, и не только страдающие дегенеративными формами, как, напр., резонирующим, сутяжным помешательством или импульсивными влечениями, но и страдающие такими классическими формами душевного расстройства, каковы меланхолия, мания, первичное помешательство. Меланхолик под влиянием бреда о своей виновности может совершить преступление только ради того, чтобы привлечь на себя внимание правосудия и подвергнуться законной каре за все свои мнимые преступления; многие употребляют при этом все старания, чтобы быть осужденными и казненными: здесь мы имеем не только понимание свойства и противозаконности своего поступка, но и желание подвергнуться самому высшему наказанию. Точно так же нередко первично-помешанные совершают преступление только для того, чтобы иметь возможность явиться перед судом и поведать о всех тех кознях, которые устраивают их враги. Все эти больные должны быть наказаны, потому что закон говорит то же, что говорил английский судья начала прошлого столетия: умалишенный преступник должен быть совершенно лишен разума и памяти и не сознавать, что он поступает как дикий зверь; только такой человек не может подлежать наказанию. Как английский судья, так и наш закон совершенно упускают из виду, что многие больные могут вполне хорошо сознавать противозаконность своих поступков и тем не менее они не могут быть ответственными за них, так как не в состоянии удержаться от их совершения, не могут противостоять вследствие недостаточной умственной силы своим мыслям или влечениям.

«По выражению одного замечательного юриста, говорил присяжным американский судья Белль, человек, подлежащий каре закона, должен обладать достаточной силой памяти, рассудка, ума и воли, чтобы иметь возможность отличить добро от зла по отношению к преступлению, которое намерен совершить; и, кроме того, сознавать, что поступок этот будет противонаравственным и что он сам подвергнется законному наказанию, если совершит его. К этому я прибавлю еще, что такой человек должен иметь и достаточную умственную силу для сдерживания внезапных побуждений своего расстроенного ума... Я привык считать отличительным доказательством психического расстройства невозможность управлять движениями собственной души... Раз потерял контроль воли над мыслями, может быть потерян и контроль над поступками; и подсудимый под влиянием болезни действует не как разумное существо, но слепо следует внушениям превратных мыслей, которых не может ни сдержать, ни устранить. Не без основания говорили в древние времена про умалишенных, что они одержимы злым духом или бесом, — до такой степени влечения этого злого духа противны всем естественным побуждениям того же самого сердца и ума»⁹.

Итак, вопрос о способности ко вменению не исчерпывается исключительно пониманием противозаконности или свойства своего деяния. При существовании такого понимания необ-

⁹ Мюдсли. С. 119.

ходимо еще удостовериться, мог ли больной удержаться от совершения поступка или нет, был ли он в состоянии противостоять своим мыслям и влечениям, или же его поступки были органически обусловлены болезненным расстройством, лишившим его возможности контроля и руководства ими. 95-я ст. Уложения о нак. оставляет эту наиболее существенную сторону вопроса без внимания, в чем и кроется ее главный недостаток, могущий вести к самым печальным недоразумениям.

3

Этот недостаток вполне устранен в 36-й статье нового проекта Уложения о наказаниях, который составлен редакционной комиссией, образованной при министерстве юстиции под председательством сенатора Э. Фриша. Первая половина этой статьи выражена следующим образом:

«Ст. 36. Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по недостаточности умственных способностей, или по болезненному расстройству душевной деятельности, или по бессознательному состоянию, не могло во время учинения деяния понимать свойства и значения совершаемого или руководить своими поступками».

Значение терминов, употребленных в этой статье, разобрано мною выше, и нет сомнения, что эти термины имеют существенное преимущество в сравнении с терминологией ныне действующего Уложения. Главный же центр тяжести, обуславливающий несомненное достоинство новой статьи и ее преимущество перед старыми, заключается в установлении тех общих психологических признаков, которые исключают вменяемость деяния, совершенного в том или другом ненормальном душевном состоянии.

В своих объяснениях к проекту Уложения редакционная комиссия говорит, что она «нашла полезным прежде всего установить в законе общее основание невменяемости, которое могло бы служить для судьи масштабом или критерием при оценке значения определенных причин, влияющих на душевную деятельность.

Первым условием вменяемости является возможность сознавать свои действия и их запрещенность; но одна эта способность не исчерпывает еще всех условий вменяемости. Преступление относится не к области мышления, а к области деятельности, и для его вменения в вину совершившему необходимо, чтобы виновный, сознавая совершаемое, руководился или мог руководиться сознанным, т. е. чтоб вместе с способностью сознавать он обладал и способностью руководиться сознанным.

Между тем обе эти способности, как указывает жизненный опыт, развиваются или парализуются не одновременно. Мы можем, например, встретить детей, имеющих надлежащие понятия не только о свойствах их действий, но и об их запрещенности, и в то же время неспособных противостоять первому охватившему их порыву, неспособных управлять своими действиями сообразно с приобретенным уже ими понятиями и идеями. Точно так же психиатр указывает нам на некоторые формы психических страданий, при которых процессы мышления совершаются вполне нормально, но порывается надлежащее соотношение между мышлением и деятельностью.

По этим соображениям в общее определение вменяемости внесено комиссией два условия: 1) способность понимать свойства и значение совершенного, относя выражение „свойства“ к физической природе совершенного, а „значение“ к его юридическому характеру, т. е. к противоречию поступка требованиям права и закона, и 2) способность руководить своими поступками».

Рассматриваемая статья нового проекта очень близко подходит к соответствующим статьям германского кодекса, в основе которых лежит точно так же общий психологический признак невменяемости.

Германское уложение о наказаниях основанием невменяемости при душевных расстройствах признает отсутствие свободного волеопределения.

«§ 51. Наказуемое деяние не вменяется, если учинивший его во время совершения деяния находился в состоянии бессознательности или болезненного расстройства душевной деятельности, вследствие которых было исключено свободное волеопределение».

Почти так же отредактирована статья австрийского проекта улож. о нак.

«§ 56. Деяние не наказуется, если совершивший его находился в это время в состоянии бессознательности или болезненной задержки или расстройства душевной деятельности, которое делало для него невозможным свободно определять свою волю или понимать наказуемость совершаемого».

Согласно с разъяснениями немецких авторов, понятие «свободное волеопределение» не заключает в себе ничего метафизического. В юриспруденции, говорит Крафт-Эбинг, понятие о свободе воли чисто эмпирическое. Она не задается метафизически спекулятивными вопросами, будет ли способность свободного волеопределения абсолютной, априористической или прирожденной, так же как не интересуется возражениями, вообще отрицающими свободу воли. Наука права исходит из того чисто эмпирического факта, что в известном, законом определенном возрасте жизни всякое лицо в том или другом государстве приобретает надлежащую умственную и физическую способность понимать и сознавать правовое значение деяния, к которому влечет его воля (способность различения, разумение), и вместе с тем приобретает способность выбора между деятельностью и покоем (свобода воли). Эта свобода выбора возможна только при развитии контролирующих, задерживающих и противодействующих представлений, совершающихся с помощью ассоциации идей. Только последняя делает возможным выбор, т. е. разумную психическую оценку возможных видов хотения, сообразно с полезностью, нравственностью их мотивов, и предпочтение наиболее достойного из них. Поэтому психологическая способность ко вменению допустима лишь в том случае, когда ничто не препятствует возможности выбора, основанного на ассоциации идей, и когда прочно установившиеся понятия о пользе, праве, нравственности и приличии постоянно готовы оказать свое влияние на то или другое конкретное желание.

Разрешение вопроса, говорит тот же автор, о том, возможна ли вообще абсолютная свобода воли, или же эта свобода может быть только относительной, мы предоставим психологии; для наших целей важна лишь та степень свободы воли, которой требует юстиция для исполнения законных предписаний. Абсолютной свободы воли, в смысле философов, вероятно, не было и не будет; требования же, адресуемые государством к индивидуальной воле, всегда ограничиваются относительной ее свободой: государство требует от частного лица лишь способности производить сравнительную оценку представлений и до известной, установленной обществом нормы поступаться чувственными эгоистическими побуждениями в пользу абстрактных разумных представлений, соответствующих требованиям нравственности и государственных законов. Плюс этой способности не интересует государство, для него важен только минус, так как закон может предъявлять свои требования только к свободным (здоровым) гражданам. Государство оказало бы несправедливость и обратило бы в ничто право и закон, если бы захотело привлекать к ответственности лица, неспособные понимать закон и поставленные в невозможность руководиться им.

Необходимые же атрибуты свободного деяния в смысле нормы, установленной государством, мы найдем:

- 1) в достаточном умственном и нравственном развитии, которое приводит к убеждению в пользе и необходимости законного порядка в человеческом общежитии, делает возможным знание того значения, какое имеют установленные с этой целью законы, знание последствий их нарушения для нарушителя и общества, и таким образом служит противовесом постоянно возникающим из эгоистической природы человека чувственным побуждениям и пожеланиям;
- 2) в возможности немедленного проявления вышеупомянутого комплекса представлений, другими словами, в возможности беспрепятственной ассоциации идей, для чего прежде всего необходимо свободное развитие представлений по законам психологии.

4

36-я статья нового проекта Уложения обсуждалась в 1883 году в Обществе психиатров в Петербурге и в Петербургском юридическом обществе¹⁰, а также в Московском юридическом о-ве. В Петербурге вопрос о необходимости психологического критерия как общего основания невменяемости подал повод к оживленным спорам между психиатрами и юристами; большинство первых видело в установлении этого критерия недостаток, а большинство вторых – преимущество 36-й статьи. Необходимость помещения в 36-ю ст. психологического критерия невменяемости защищали немногие члены Общества психиатров, в особенности В. Х. Кандинский, О. А. Чечотт и Л. Ф. Рогозии, а из юристов в особенности Б. К. Случевский. Противниками же критерия явились большинство членов Общества психиатров и немногие юристы, в особенности А. Ф. Кони. Примирения взглядов не произошло, и после довольно длинных дебатов в Юридическом обществе, которому принадлежало последнее слово в оценке редакции 36-й статьи, состоялась, по большинству голосов присутствовавших членов, резолюция, признающая редакцию статьи, предложенную составителями проекта Уложения, вполне удовлетворительно во всех ее частях с тем лишь исключением, что выражение «по болезненному расстройству душевной деятельности» юристы согласились заменить выражением «по душевной болезни», согласно мнению Общества психиатров.

Московское юридическое общество¹¹, пригласившее для совместного рассмотрения 36-й статьи также врачей-психиатров, обнаружило гораздо больше согласия и единодушия. Как юристы, так и врачи одинаково высказались за необходимость психологического критерия; разногласия касались исключительно подробностей и выбора тех или иных терминов. Так, многие члены предлагали указанный в 36-й ст. критерий заменить – нужно сознаться, гораздо более туманными и неопределенными выражениями: «свободное определение воли» и «способность самоопределения воли». Большинство голосов 36-я статья нового Уложения была принята Московским юридическим обществом почти без изменений.

Необходимость установления в законе психологического критерия невменяемости с наибольшей убедительностью разработана покойным В. Х. Кандинским¹², и мне остается лишь присоединиться к доводам этого талантливового врача-психолога. Сущность их сводится к следующему:

1. Установка в законе общего определения понятия о невменяемости необходима для возможности взаимного понимания между врачами-психиатрами с одной стороны и юристами, в частности судьями, с другой. При этом здесь возможно лишь психологическое определение, так как психиатрического критерия неспособности ко вменению дать нельзя. Психиатрия не в

¹⁰ А. Черемшанский. Неспособность ко вменению // Вестник психиатрии. Т. 1. Вып. 1.

¹¹ Юридический вестник. 1884 г. № 5–6. Прил. к с. 92 и след.

¹² В. Х. Кандинский. К вопросу о невменяемости. М., 1890, и труды первого съезда отеч. псих.

состоянии дать логического определения понятию «душевная болезнь», ибо иначе она необходимо должна была бы дать и определить понятие «психическое здоровье», что лежит, однако, вне ее сферы. Одинаково психиатрия не может дать определения понятию невменяемости, а может только указывать на причины неспособности ко вменению.

2. Общее определение понятия о невменяемости, которое может быть исключительно психологическим, можно было бы отбросить только при одном – совершенно неосуществимом – условии, именно, если бы была возможность перечислить в законе все без исключения отдельные конкретные случаи, где преступление не должно быть вменяемо в вину. При общем определении этот полный перечень становится излишним, так как удобство общих определений в том и состоит, что, усвоив их, мы понимаем и все частные конкретные случаи, обнимаемые этими определениями.

3. Но если бы даже был возможен подробный перечень отдельных частных состояний невменяемости, то, как бы он ни был полон, без общего критерия он все-таки окажется недостаточным, так как почти во всех этих состояниях возможны разные степени. Иначе не только терпимая в обществе низшая степень слабоумия (простая придурковатость), но и такие болезненные состояния, как, например, невращения (где нередко душевная деятельность тоже бывает не вполне нормальной), будут исключать собою вменение и давать право на безнаказанное совершение преступлений. По какой мерке мы должны судить о недостаточности умственных способностей, которая, как прирожденная, так и приобретенная, есть вещь относительная? «Относительно самого умного из присутствующих здесь лиц, – говорил в заседании В. Х. Кандинский, – я прямо считаю мои умственные способности недостаточными, но неужели из этого следует, что я должен считать себя постоянно пребывающим в состоянии невменяемости?»

4. Невменяемыми могут быть лишь действия человека, находящегося в таком душевном состоянии, которым исключается, как говорит германский кодекс, свободное волеопределение (*freie Willensbestimmung*), под каковым термином понимается, по выражению американского писателя по этике Сальтера, отсутствие насилия внешнего и внутреннего.

5. Способность свободного волеопределения предполагаешь, как это указывает Крафт-Эбинг, наличность двух необходимых условий. Эти два условия суть: первое – способность суждения или различения, *libertas judicii* по Миттермайеру, второе – возможность выбора, или *libertas consilii*.

Способность суждения, *libertas judicii*, означает не что иное, как понимание человеком значения и свойства своих деяний, между прочими, и знание, что те или другие действия законом воспрещены. Для свободы суждения необходима прежде всего известная степень умственного развития.

Второе и притом важнейшее условие свободного действия, *libertas consilii*, по Миттермайеру, означает возможность руководиться в момент действия раньше узанным или понятым, возможность сделать выбор между различными мотивами действия, т. е. возможность удержаться от совершения преступного деяния или, наоборот, уступить соблазну.

Это второе условие важнее первого, так как свобода выбора предполагает уже собою свободу суждения, но не наоборот, и душевнобольные очень часто сохраняют свободу суждения, т. е. сохраняют способность понимания совершаемого, а теряют лишь свободу выбора, т. е. лишаются только возможности действовать в силу тех мотивов, которыми определяется действие здорового человека.

6. Наш ныне действующий закон неудовлетворителен не тем, что в нем выставлен психологический критерий невменяемости, а тем, что в 95-ю ст. вошла лишь первая половина критерия, касающаяся отсутствия *libertatis judicii* (непонимание противозаконности и самого свойства деяния).

7. Напротив, 36-я статья нового Уложения вводит психологический критерий во всей полноте. Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по недостаточности умствен-

ных способностей, по душевной болезни или по бессознательному состоянию не могло во время учинения деяния понимать свойства и значения совершаемого – это первая половина критерия, обнимающая собою все случаи отсутствия свободы суждения, – или руководить своими поступками – это вторая половина критерия, обнимающая случаи отсутствия свободы выбора.

8. Естественным следствием всего изложенного является то, что под психологическое определение состояния невменяемости подойдут, конечно, не все душевные аномалии. Но это не только не беда, но именно то, что требуется. Странный характер, простая глупость, излишняя талантливость – все это относится к аномалиям, но не должно вести к невменению.

Еще резче последний логически вытекающий вывод оттеняет д-р О. А. Чечотт.

«Я утверждаю, – говорит он, – что не каждый помешанный есть лицо неответственное, неправоеспособное. Как ни парадоксально кажется такое утверждение на первый взгляд, оно вполне согласуется с действительностью. И в самом деле, под общими выражениями „помешательство“, „душевная болезнь“ в науке понимаются весьма различные состояния. Они различны по самому свойству психического расстройства, по степени и стадии своего развития и проявления. С теоретической точки зрения все они, по справедливости, могут быть отнесены к той или другой группе из приведенных в 36-й статье (т. е. недостаточности умственных способностей и болезненному расстройству душевной деятельности), на практике же, когда за таким теоретическим выводом будет следовать действительное освобождение всех их из-под ответственности, – такой способ окажется неправильными или просто неосуществимым. Сюда относятся: различный степени ослабление умственных способностей с малолетства, различные формы периодического психического расстройства (конечно, далеко не все), случаи старческого слабоумия, различные формы истерического и эпилептического заболевания, случаи алкоголизма, морфинизма (и, прибавлю я, главным образом дегенеративные формы и невращения) и т. д. Все эти состояния с чисто теоретической точки зрения, научной, без приложения ее к определенному практическому вопросу, рассматриваются как психические расстройства, и притом постоянно длящиеся в смысле постоянства или длительности патологического процесса, лежащего в их основании. Но если обратиться к анализу умственных способностей таких лиц, проявлений их воли в различные моменты и при различных условиях, то, конечно, таких больных нельзя признать всегда и постоянно действующими так, чтобы они могли быть признанными не обладающими ни правоспособностью, ни же ответственностью за свои действия. Понимать иначе значило бы расходиться с ежедневной действительностью, поступать в отношении этих лиц и самого общества совершенно несправедливо. Раз мы станем на такую точку зрения и примем положение, что не каждая форма, степень и стадия душевной болезни, понимаемой в широком значении ее определения, может служить обстоятельством, уничтожающим уголовную ответственность и гражданскую правоспособность, то 36-я ст. в объеме первой лишь части первой ее половины (т. е. без критерия) делается незаконченной, на практике непригодной. Единственная возможность выйти из затруднения – дополнить эту часть прибавкой другой части, в которой заключалась бы формула, критерий, применением которого в каждом отдельном случае можно было бы определить уголовную индивидуальность каждого случая, тогда вся статья будет соответствовать живой действительности. С одной стороны, не представится ни одного случая, который не мог бы быть подведенным под объем содержания статьи, с другой, применяя данную формулу, можно было бы перейти от общего к частному, от теории к практике».

В критерии, данном в 36-й ст., д-р Чечотт видит вполне справедливое и научное требование закона – исследовать мышление и волю обвиняемого или, иначе, применять в каждом отдельном случае психологический анализ¹³.

Что психологический критерий есть на самом деле существеннейшая часть 36-й статьи, от которой зависит весь ее смысл и которая, собственно, может занять собою всю статью, доказывает представленная д-ром Кандинским редакция этой статьи, где без всякого ущерба для дела совсем выключен перечень отдельных причин невменяемости и оставлен лишь психологический критерий.

«Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по постоянному своему состоянию или по состоянию своему во время учинения деяния не могло понимать свойства и значения совершаемого или же не могло руководиться в то время здравым пониманием в действовании своем».

5

Возражения, приводимые противниками психологического критерия, основаны на неотчетливом понимании самой сущности этого критерия, на смещении понятий: «совершать поступки», даже обдуманнные, и «руководить своими поступками». Руководить своими поступками возможно только при отсутствии насилия внешнего или внутреннего, наличие же этого насилия не исключает возможности совершения даже вполне, по-видимому, обдуманнных поступков. Если под влиянием направленного на него дула револьвера человек отдает хранящиеся в его сундуке деньги, он не руководит своим поступком, потому что здесь было внешнее насилие; если под влиянием повелительной галлюцинации человек совершает поджог, он опять не руководит своим действием, потому что тут насилие внутреннее. Но и в том и в другом случае возможно обдумывание своих поступков, создание плана их, только эти поступки вынужденные, не существует свободы выбора, в силу которой можно было бы совершить их или нет. Обдуманность действий вполне возможна при отсутствии свободы выбора, но руководить своими поступками при отсутствии этой свободы выбора невозможно. Между тем это смешение обдуманности действий со способностью руководства своими поступками и лежит в основе того недоразумения, которое выдвигается как доказательство непригодности психологического критерия. Так, противники психологического критерия указывали (д-р Томашевский), например, меланхолика, который совершает убийство единственно с тою целью, чтобы путем действительного преступления навлечь на себя кару закона и суровым наказанием искупить свои воображаемые грехи. Такой человек, будучи несомненно больным, может обнаружить при достижении этой цели и присутствие понимания свойства и значения совершаемого, и обдуманность действий, т. е. способность руководить поступками.

Допустим, что меланхолик может обнаружить и понимание, и обдуманность действий при совершении убийства; доказывает ли это его способность руководить своими поступками? Конечно, нет. Да уже и самое понимание такого больного внушает к себе сомнение. Неужели приведенный в пример человек, спрашивает В. Х. Кандинский¹⁴, понимал значение убийства? Значит, он понимал, что убийство есть грех. Выходит, что он хотел искупить свои прежние грехи путем нового греха? Где же тут логика, которая обязательна и для сумасшедшего, раз предположено, что он понимал им совершаемое? Но если он не считал убийство грехом или, вообще говоря, делом непозволительным, то ясно, что он не понимал значения убийства. Итак, свобода суждения у этого человека весьма сомнительна. Но предположим даже, что она была

¹³ Черемшанский. 1. С. 184.

¹⁴ В. Кандинский. К вопросу о невменяемости. С. 26.

вполне сохранена. Была ли у него свобода выбора, другими словами, одинаково ли мог он в данный момент и совершить убийство, и удержаться от него? Если он действительно страдает меланхолией, то он не может обладать способностью свободного выбора, потому что при меланхолии не может быть свободной деятельности мысли. Основным симптомом при меланхолии является изменение душевного чувства в форме появления душевной боли, невыносимой тоски, отчаяния, отсутствия всего радостного; но в самой тесной, непосредственной связи с этим стоит общая связанность всей психической сферы, связанность мыслей, связанность воли; мысли меланхолика текут крайне медленно, вяло, проявления воли носят также характер задержки. «Разве можно ожидать какой-нибудь свободы там, где сущность душевной болезни именно и сводится к явлениям психической задержки, подавленности, к крайне медленному течению представления?»

Не может быть никакого сомнения, говорит Крафт-Эбинг, в уничтожении свободы воли даже при простом меланхолическом угнетении. Хотя при таких состояниях абстрактно еще сохраняется сознание противозаконности и наказуемости деяния, но в самый момент совершения насильственного действия это сознание бессильно против напряженного болезненного чувствования. Деяние является здесь лишь рефлексом невыносимой тоски, подавляющих волнений, гнетущих представлений. Больной находится под психологическим гнетом, от которого он не может освободиться; его действия вынуждены, невольны, а не возникающие в силу свободного выбора.

Таким образом, при кажущейся обдуманности действий существует психологический гнет, который поработает всю личность и от которого нельзя освободиться. Может ли при таких условиях даже быть поднят вопрос о способности руководить своими поступками, если только мы не признаем этой способности и за полным идиотом, раз он в состоянии поднести ложку к своему рту?

Между тем подобная возможность даже при глубоком идиотизме совершать некоторые правильные по внешнему их проявлению поступки нередко смешивается как со стороны юристов, так и врачей с способностью руководить своими поступками. Так, между прочим, указывается, что никакая дисциплина в домах для умалишенных не была бы возможна, если бы больные не были в состоянии господствовать даже над своими болезненными импульсами (В. А. Легонин)¹⁵. Совершенно справедливо, что за очень редкими исключениями большинство больных, даже глубоко слабоумных, дисциплинируются в специальных больницах – и это одна из важных сторон той пользы, которую они приносят. Но это дисциплинирование, это подчинение известным порядкам и даже хотя бы некоторое воздержание от дурных наклонностей не имеет ничего общего с способностью здравомыслящего человека решаться на какой-либо поступок по нравственным, этическим или каким-либо другим рассудочным основаниям. Если бы душевнобольные могли и в этом отношении руководить своими поступками, как и вполне здоровые люди, то прежде всего они всегда должны были бы сами по доброй воле поступать в эти больницы, а не ждать насильственного помещения, во-вторых, сами больницы приняли бы другой вид и, во всяком случае, были бы лишены замков и решеток, да, наконец, не было бы никакой надобности и в дисциплинировании. Но в том-то и дело, что подобное дисциплинирование касается только внешней стороны, представляет не что иное, как известную дрессировку, одинаково возможную и по отношению к ребенку и даже животному, хотя никто из этого не выведет заключения об их способности ко вменению.

¹⁵ Юридический вестник. 1884 г. Прил. к с. 94.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.